

Сергей Осипов

Тлухаринный
ТОК

Повесть-пунктир

Сергей Осипов

Глухаринный ток. Повесть-пунктир

«Издательские решения»

Осипов С.

Глухариный ток. Повесть-пунктир / С. Осипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831558-9

Осипов С. Н. Глухариный ток. Повесть-пунктир. Повествование основано на фактах, сообщённых автору участниками описываемых событий. Не являясь простым синоптическим наблюдением, удваивающим действительность, художественная ткань повести благодаря образности, многозначности и символизму позволяет увидеть события великой войны 1941—1945 годов в новом стереоскопическом освещении.

ISBN 978-5-44-831558-9

© Осипов С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	10
4	11
5	12
6	13
7	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глухариный ток
Повесть-пунктир
Сергей Осипов

Отцу, любящему и любимому, посвящаяю

© Сергей Осипов, 2016

ISBN 978-5-4483-1558-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Немцы вошли в село только на третьи сутки.

Сестра Фёдора, пешком добравшаяся накануне из города, говорила, что там грабежи и пожары, всё опустело и замерло. Последний эшелон с красноармейцами ушёл со станции. Многовековой инстинкт подсказывал русскому человеку, что лучше держаться ближе к лесу в лихую годину. В деревнях людей заметно прибавилось. Непривычное многолюдство, тревога ожидания, растерянность взрослых дразнили воображение мальчишек, и Фёдор вместе со всеми жадно прислушивался к разговорам стариков на площади. Бодрее других чувствовал себя дядька Матвей, навеселе – после отъезда сельсовета самогон гнали в каждой избе в открытую – качался он на своей «германской» деревяшке, звенел Георгиями на груди, горячился:

– На то он и город – ему милиция нужна, людей в порядке содержать. Ещё бы не было грабежей: сколько там народу случайного. И оттого, туда же – гордость. А на кой она нам сдалась? Каждый каждого знает: сегодня подрались, завтра поцелуемся.

– Вот немец тебя завтра поцелует! Развоевался бесстыдник. Зима на носу. Лучше иди домой, печь поправь. – Тётка Маланья, обычно легко справлявшаяся с мужем, была сегодня бессильна. То ли пьян он был как-то по особенному вдохновенно, то ли былую храбрость вернули ему георгиевские кресты, залежавшиеся в сундуке за годы советской власти (председатель видел в них религиозную пропаганду), но Матвей хотел наговориться всласть, не обращая внимания на приставания жены, философствовал:

– Хрен его знает, ихнего фюрера. Мало ли чего нам большевики набрехали. То-то их сегодня видно далеко! Но если он слишком задаваться будет, клепские мужики ему так наклепают... Поболее, чем в восемнадцатом. Нам ли немцев не бить? Не впервой!

Ребятня, воробышками рассевавшаяся на жердях забора, жадно внимала забористой речи георгиевского кавалера, замороженно глядела на тускло мерцающие кресты на его груди. Особенно горда была Санька, внучка дяди Матвея: «Вот теперь-то мальчишки из класса перестанут задаваться. Главное – противный Фёдка! Все уши прожужжал про своего старшего брата Николая, который год назад в армию ушёл. Ещё бы! Учительница, Марья Петровна, Федино брата всем в пример ставит. Его красноармейские письма на уроках вслух зачитывает. А про моего отца и сказать нечего. Пропал куда-то десять лет как. Дед – калека. Ну, теперь-то все увидят, какой он у меня боевой».

Фёдор смотрел на Саньку и не узнавал. Она и раньше нравилась ему: худая, стройная, коленки все в ссадинах, как у мальчишки, и только наметившаяся припухлость в бёдрах, там, где стройные длинные её ноги, чуть расходясь, образовывали лирообразный изгиб, выдавала в ней девочку. Ох уж как волновал Фёдора этот изгиб! И чуть заметный, полный сладкого таинства просвет, вызванный полудетской ещё худобой похожих на лианы ног Саньки, начинающийся от узлов колен и скрываемый дальше льняной, словно смеющейся, юбкой. Всё это пробуждало в Фёдоре что-то ему непонятное: дыхание перехватывало, когда он смотрел вслед Саньке, пока та гнала хворостиной бывшую свою корову в колхозное стадо. (Председатель по старой памяти изредка разрешал колхозникам на время разбирать коров по дворам, чтобы почистить, помыть, пожалеть, ибо понимал: трудно любить всё стадо, но своих бывших коров деревенские помнили, как и те – с готовностью шли хоть на денёк к своим бывшим хозяевам).

Сейчас же Фёдор увидел в Саньке нечто для себя новое. Не то физическое, что заставляло его и раньше, чтобы привлечь внимание к себе (Саньки, прежде всего!), прятаться на школьной перемене в стенном шкафу класса и выпрыгивать оттуда на начавшемся уроке с индейским криком: «За мной, я – Чапаев!», пугая учительницу и радуя класс; нет, теперь он поразился Санькиному взору, озорному и гордому, такому, какой, видимо, был у амазонок, про которых

недавно рассказывала Марья Петровна на уроке по древней истории. «Надо бы позвать Саньку на рыбалку завтра. Вдруг согласится?»

– Немцы! – донёлся крик с южного края деревни, от моста через речку Ветлянку.

Гудевшая площадь на миг замерла и замолчала. Через секунду все сорвались и бросились по своим дворам. Последним уходил, хромая на деревяшке, поддерживаемый внучкой дядя Матвей. Федька с другими мальчишками побежали укрыться в школе, фасад которой выходил из глубины старинного сада на деревенскую площадь.

Послышался стрекот мотоциклетов, смешанный с громкими возгласами незнакомой речи. Федька, укрывшись на втором этаже в классной комнате, с замиранием сердца смотрел на площадь. Четыре мотоцикла с колясками выкатились из улицы, ведущей вниз к речке, и остановились у школьного сада. Следом, грозно урча, появился грузовик с тёмно-зелёным брезентовым тентом над кузовом. Откуда-то раздалась гортанная команда и из кузова грузовика выпрыгнули десятка полтора немецких солдат. К ним присоединились спешившиеся с мотоциклов. Вид у этой образовавшейся на площади группы был не грозный, но какой-то мальчишески озорной. Некоторые разминали, приседая, уставшие от сидения ноги, закуривали, беззлобно толкали друг друга, громко разговаривали. Фёдор, в отличие от старшего брата Николая, которого учительница Марья Петровна ставила всем в пример, учил в школе немецкий плохо и ничего не мог разобрать в речи спешившихся с мотоциклов и из грузовика врагов. Вновь прозвучала команда, и немцы построились. Военный в фуражке, видимо офицер, произнёс перед строем короткую речь, закончившуюся одобрительным смехом стоявших до тех пор во фронт солдат. Одновременно с этим несколько неожиданным смехом строй рассыпался, и все двинулись в разные стороны. Двое направились через палисад к школьному входу. Фёдор замер. Он слышал, как другие мальчишки бросились по коридорам наутёк к выходам, ведущим в школьный огород. Фёдор, в котором любопытство перевесило страх, решил остаться. На всякий случай, он спрятался в том самом стенном шкафу, из которого выпрыгивал когда-то с возгласом: «Я – Чапаев!». Оставив небольшую щёлку в дверях, принялся ждать. Ждать пришлось недолго. Немцы вошли, озираясь, в школу и начали подниматься по лестнице. Их переговаривающиеся голоса становились всё слышнее и ближе. Фёдор, ничего не понимая из сказанного, был несколько поражён спокойной интонацией говоривших. «Будто к себе домой пришли. Гады!» Дверь распахнулась, и беспечные немцы вошли в тот класс, где Фёдор и прятался. Повернувшись спинами к нему, немцы стали показывать друг другу что-то, написанное мелом на доске, подошли к ней. Тут только Фёдор рассмотрел, что на классной доске цветными мелками был нанесён чертёж, иллюстрирующий доказательство теоремы Пифагора. «Да ведь точно! Вчера же геометрия на уроке была». Фёдор отчётливо вспомнил, как он давеча запутался в доказательстве и получил от нахмурившейся Марии Петровны заслуженную двойку.

– Война, войной, а геометрию изучать надо. Чтобы врагов побеждать. В том числе, – грустно вздохнув, пояснила она свою строгость притихшему тогда классу.

И вот теперь этот свидетельствующий о Федине неумении рисунок со смехом рассматривали немцы. Один, коренастый и рыжеволосый, с веснушками на лице и на обнажённых закатанными рукавами гимнастёрки руках, взял валявшийся у доски мел и стал исправлять чертёж. Другой, белобрысый и длинный, смеясь и пытаясь вырвать у рыжего мел, повторял: «Nein, Fritz. Wir müssen nicht». Общими усилиями они исправили, наконец, рисунок, и Федя тут же понял, в чём он тогда, отвечая на уроке, ошибся. Немцы, положив мел на карниз школьной доски, направились к выходу. При этом они повернулись лицами к Фединому шкафу и тот, кого другой называл Фрицем, указал рукой товарищу на щель в приоткрывшихся дверцах. Фёдор, потеряв, наблюдая за вражескими манипуляциями у школьной доски, всякую осторожность, видимо, слишком сильно раскрыл скрывавшие его дверцы, чем себя и выдал. Мгновенно преобразившись, весёлые дотоле немцы резкими движениями выдвинули висевшие у них за спинами маленькие, словно игрушечные, автоматы дулами вперёд.

– Wer ist da? Nicht bewegen!

Фёдор, сжав вспотевшей ладонью подвернувшееся под руку наглядное пособие – деревянный треугольник, лежавший на полке шкафа, решил было с криком о Чапаеве броситься на врагов, но в носу у него стало невыносимо щекотно, видимо от скопившейся в шкафу пыли, и он вместо этого громко чихнул. Этот естественный человеческий звук разрядил обстановку. Немцы, сняв пальцы с курков, раскрыли дверцы шкафа и, увидев прятавшегося там мальчика с деревянным треугольником в руке, громко рассмеялись.

– Oh mein Gott! Das ist ein Kind! Was für eine Überraschung! – рыжеволосый протянул веснушчатую, испачканную мелом руку к треугольнику и мягко забрал его из невольной разжавшейся руки Фёдора.

– Junge, geh nach Hause. Wo ist dein Vater? Kämpft?

Ничего не понимающий Фёдор скривил губы в подобие улыбки и, вывалившись из шкафа, стал протискиваться между немного расступающимися парнями; протиснувшись, побежал вон из класса. «Какой же я трус! Выпустил треугольник. А надо было им по их рожам немецким вмазать». Думая так, Фёдор бежал сквозь опустевшую деревню домой. Вдруг поймал себя на неожиданной невольной мысли. Ему никак невозможно было ударить треугольником по этим добродушно смеющимся лицам немецких парней. Тем более что высокий блондин чем-то напомнил ему любимого старшего брата Николая.

2

Перед собранными на следующее утро на площади деревенскими жителями выступал, изящно изогнув опорную ногу, стянутую узким чёрным голенищем дивного сапога, и постукивая гибким стеклом по голенищу сапога второго, выставленного несколько вперёд, немецкий офицер лет тридцати. Ужасно коверкая русские слова и посверкивая над толпой солнечным зайчиком, играющим на стекле монокла в правом глазу, он объявил:

– Тепер с вами будэт говорайт команданте unsere корпус генэрал граф Вальтер фон Брокдорф Алефельд. Вы будэт внимателно слушайт и исполняйт.

Вперёд неспешно выдвинулся, чуть прихрамывая, пожилой немец в длинном кожаном, едва не до пят пальто. Строгой серьёзностью на озабоченном мыслью лице он чем-то напоминал прежнее райкомовское начальство, посетившее однажды (лет десять назад) деревню, как раз перед началом коллективизации. К удивлению собравшихся он заговорил на чистом русском:

– Крестьяне, немецкий солдат пришёл освободить вас от рабской повинности перед большевиками. Мы будем дальше воевать с ними и гнать их в Сибирь, а вы – просто работать. Разбирайте своих коров из колхозного стада, берите инвентарь, возвращайте наделы земли и растите хлеб. Мы будем его у вас покупать. Колхоз отменяется. Исполняйте.

Краткость и такая милая крестьянскому уху содержательность речи немца удивила и насторожила русских. Однако, когда в тот же день коровы и инвентарь были без всяких препятствий разобраны по дворам, крестьяне задумались.

– Это куда гнёт немец-то? – говорил вечером соседке дед Матвей.

– Что-то тут не так, – сокрушалась Матрёна. – Наш председатель, перед тем как в лес уйти, предупреждал: «Немец – коварный враг». Никому нельзя верить.

– Да? А глазам и рукам своим, которыми корову нынче доишь, веришь?

Матрёна и вправду доившая, разговаривая с Матвеем, свою корову, не нашла, что ему и ответить кроме всегдашнего и несомненного:

– Поживём – увидим.

3

– А что, бля, немцы? Показуха одна! У них и танки из фанеры! Мы малой, бля, кровью должны. И на чужой земле... – распалившийся замполит немного запнулся, после продолжил: – Идут в полный рост? Так вы, бля, не дрейфьте, стреляйте ловчее. Патронов мало? Винтовки не у каждого? Так отдайте их, бля, самым метким, бля, у кого по боевой, бля, «отлично», бля, было.

Приподняв фуражку и отерев пухлой рукой вспотевшую лысину, замполит Пудов уверенно продолжал:

– Партия и правительство под мудрым руководством товарища Сталина позаботились о вас красноармейцы. Выделили вам эти прекрасные казармы, которые иначе как хоромами не назовёшь. Двухъярусные спальные места, но на каждого красноармейца выделено по четыре кубических метра воздуха. Ясно вам?

– Разрешите вопрос, товарищ замполит? – не удержался Косачёв.

– Валяйте, – замполит, не чувствуя подвоха, удивился неожиданной активности вечно аполитичного Косачёва. – Подумал: «Неужто парень за ум взялся? Вот ведь что грамотная и главное постоянная работа с личным составом делает».

– Это что, товарищ замполит, четыре кубометра – на всё время службы?

Красноармейцы, глядя на побагровевшего Пудова, прыснули смехом, кто в кулак, а кто и открыто.

– Да ты, да ты, Косачёв, – замполит набирал в рот учащающиеся глотки воздуха, задыхаясь, как рыба в лодке, наконец, нашёл устроившую его формулировку: – Ты Косачёв не просто сын врага народа, ты и сам – враг. Я тебе покажу! Под трибунал пойдёшь за такие вопросы антисоветские. И это в империалистическом окружении! Когда война кругом! Нож в спину! Я этого так не оставлю. Сотру тебя в пыль, гадёныш, выкормыш подкулацкий. Всем! Смирно-о!

«Ну, вот зачем Косачёв опять напросился? На ровном месте!» – думал Николай, сочувствуя своему умному, но неуёмному другу. «Напишет замполит Пудов донос, и упекут Андрюху в штрафбат, а то и куда похуже».

Вышло – хуже. Замполит Пудов действительно написал в тот же вечер рапорт-донос на Косачёва. Но отнести в особый отдел не успел. Немцы помешали. Неожиданным (для советского командования) танковым прорывом дивизия «Мёртвая голова» генерала Эйке, входящая в состав корпуса Брокдорфа-Алефельда, окружила формирования русских, отрезая от далеко ушедшего на восток фронта и обрекая тем самым на верную гибель или плен около семидесяти тысяч советских солдат, в числе которых оказались и Косачёв, и Николай, и замполит Пудов вместе с особым отделом.

4

После того, как передовые немецкие соединения во главе со своим, так удивившим селян командиром, простояв в селе не более суток, ушли далее на восток, в деревне появились другие немцы, в чёрной на этот раз форме. Эти немцы были серьёзны и неулыбчивы. Нешуточные такие немцы. Первым делом вывесили на школьном фасаде нависающий над площадью огромный раструб громкоговорящего радио и красно-белое полотнище с чёрным паукообразным крестом в центре. Радио не умолкало, флаг тяжело извивался. Бравурные звуки маршей, прерываемые иногда хриплой истеричной речью, не давали селянам спать. «Хоть уши затыкай. Надоело!» – думал Федька с другими мальчишками. «А зачем затыкать? Давай лучше ночью провода срежем. И радио заткнётся, и провода в хозяйстве не помешают». Подумано – сделано! В тот же вечер отряд во главе с Фёдором, под восхищёнными взглядами девочек (Саньки – прежде всего!), совершил смелую вылазку из окон второго этажа школы на карниз фасада. Раструб радио смешно булькнул, словно захлебнувшись на слове «Überalles», и замолчал. Тишина окутала деревню. Кое-где в кронах деревьев успели подать голоса ночные птицы. Но тут же наметившуюся идиллию перечеркнул лай собак и злобные гортанные крики.

Утром гестаповцы появились в селе. Кропотливое расследование не принесло результата. Порка! Тотальная порка всего оставшегося мужского населения деревни в возрасте от тринадцати до семидесяти лет – вот чем заплатят русские за ущерб, причинённый Третьему Рейху. Таково было решение нового немецкого коменданта в чёрной увешанной серебристыми черепами форме.

На той же деревенской площади, где две недели назад гремел германскими «георгиями» на груди дед Матвей, разгорячённый тогда самогоном и трёхдневной анархией, теперь в строгом порядке был оборудован деревянный помост-эшафот с козлами наверху. Огромный и чем-то похожий на мясника с городского рынка рыжий немец в фартуке, надетом поверх чёрной формы, разминал гибкую связку прутьев, сгибая и разгибая её. Вдоль импровизированной деревянной ограды вокруг помоста стояли немецкие солдаты в чёрных с серебряными черепами формах и с автоматами наперевес. Всё деревенское население было разбито на две группы: женщины с малыми детьми и с дедом Матвеем – в одной, оставшиеся жители – в основном мальчишки – в другой.

– Преступления без наказания не бывают. Это ваш гросс писател Достоевски говорить. Но большевик не давать вам читать. Это шлехт. Поэтому, мы будем вас учит не вороват, но арбайтен. – После этой краткой речи нового немецкого начальника экзекуция началась.

«Какой позор. Стыдно-то как. Ведь немцы-гады штаны заставляют до колен спускать. И Санька меня в таком виде увидит? Гады!» Когда очередь дошла до Федьки, он, стиснув зубы и поддерживая руками порты как можно выше колен, сам лёг на козлы. «Только бы побыстрее. Только бы скорей назад штаны натянуть». Не издав ни единого звука, Федька в осознании своего позора не замечал боли. И когда немец-палач, закончив наносить удары, scomандовал: «Geh!», Федька, скатываясь с помоста, одновременно (и прежде всего!) не слушающимися от торопления руками натягивал штаны и, убегая с площади, думал: «Ну, немцы, ну, гады. Я вам теперь отомщу. Ночью же уйду в лес к партизанам. Эх, только бы Саньку не встретить, пока позор свой геройской смертью не испущю».

Ночью Фёдор вместе с дюжиной других пацанов, все снабжённые матерями «тем, что Бог послал», уложенным в платки-котомки, ушли в подступавший к дальним деревенским огородам лес, где прятался до поры со своим отрядом председатель расформированного немцами колхоза.

5

Тяжко между тем разворачивались дела на фронте, вернее на тех клочках-очажках спонтанных боестолкновений, что от него оставались. В одном из таких мест оказался Николай вместе с окружённым немцами артиллерийским полком.

Первый бой солдаты приняли сразу со всех четырёх сторон света, которого не было даже видно. Разрывы пушечных снарядов взрывали дрожащую землю, возметая к небу её комья, вместе с кусками искорёженного металла и клочьями обезображенной плоти. Инстинктивно хотелось втиснуться, распластаться, вдавиться как можно ниже, ближе к центру тяжело тяготеющей Земли-матушки. Полудетские возгласы «Ма-ма!», невольно срываясь с немеющих сухих губ, мгновенно вытеснили патриотичные «Ура!» и матерное скверноговоренье, пригодные для первых шагов-прыжков в атаке или для отсиживания-отлѣживания в окопе. Теперь всё вокруг превратилось в один единственный общий окоп, с опасными, начинёнными смертоносным металлом, пляшущими стенами и дном, оказывающимся то и дело сверху. Стенания и скрежет зубов, даже собственные, были, как в немом кино, только лишь угадываемы, но не слышны.

«Вот оно. Вот оно! Началось. Мама. Когда это кончится? Всё кончится... Боже мой! Покорей бы!» – носилось даже не в душе, не в мыслях Николая, а где-то рядом с ним, с его телом, закручиваемым вихрем злобного времени в спасительную (на секунду-другую!) воронку. Там – тишина! И медленное беззвучное осыпание стен, как в песочных часах, в которых он сейчас оказался суетной живой песчинкой. «Один. Живой. Но нет! Рядом ещё кто-то. Такой же!» Возметаемый прах. Прах страшшийся. «Кто он? Немец! Враг?». Рядом с Николаем медленно разгибался из коленно-локтевой позы немецкий парень лет двадцати с белым оскалом на измазанном землёю лице. «Враг! Живой! Вот он...» – Николай, встретившись с немцем глазами, краем своего зрения видел, как рука парня потянула из голенища сапога черенок сапёрной лопатки. Сам Николай в это время почувствовал ладонью холодок рукояти своего штык-ножа, висевшего на пояском ремне. «Не убий! Где это сказано? А, это в отцовской книге какой-то. Которую отец читал и прятал. Прятал и читал... Ему... Николаю... Давно... Когда ещё жив был... А теперь и меня могут убить, если я не...» – оглушающий (слышный почему-то на этот раз) взрыв прервал перебежку мыслей и накрыл врагов плотным одеялом чёрной земли. Когда Николай, оглохнувший от контузии, с трудом выкопался из спасительной могилы на свет, в горький от дыма воздух, чтобы дышать, немца в воронке уже не было. «И след простыл... Прости меня, Господи! И помилуй». Вместе с комьями земли, сжатыми в кулаках, когда он откапывался, в правой руке Николая оказалась немецкая шапочка-пилотка, на тыльной стороне тульи которой значилось: «Hans Küchelgarten». «Вот кого, оказывается, я чуть не убил» – пробежало в голове Николая. – «Или от кого едва смерть не принял... Ганс...» Потом вдруг кольнуло гоголевское: «Ганс! Эж, куда его занесло!»

После боя, в наступившей вдруг тишине, тяжело собирались. Оставшиеся. Раненые. Покалеченные. Живые. Командиров нигде не было. Исчезли вдруг все отцы-командиры. И Пудов с ними. Погибли, наверное. Блуждая по лесу, бойцы собирались группами. По двое, по трое. Много – вчетвером. Более всего пугало и обескураживало исчезновение старших. А потом послышался лай собак и чужая звонко-гортанная речь. Немцы собирали в заболоченном берёзовом лесу пленных. Много пленных. Раненых. Живых. Изредка собачий лай прошивали короткие автоматные очереди. Это добивали тяжёлых и безнадёжных. Или героев, кто, не имея пули, чтобы по-сталински застрелиться, с голыми руками бросался под пули врага.

6

Главным делом жизни Петра Пудова было продолжение жизни. Своей. Собственной. Все его поступки и ведущие к ним мысли были подчинены этой цели. Вступление в партию в тридцать четвёртом, публичное отречение от родного отца (оказавшегося «врагом народа») в тридцать седьмом, длинная череда последовавших доносов на товарищей-сослуживцев «во искупление родового греха» – были последовательными ступенями её достижения. Нехитрый строй ума подсказывал Петру: чтобы выжить, надо примкнуть к жёсткой силе и следовать её воле в то нелёгкое стальное время. Остальное – приложится, а если нет, то его следует отложить, как ненужное и опасное. Милосердие, терпимость, простая порядочность были чужды молодому строителю нового порядка. Задача упрощалась тем, что проблемы выбора действительной, стоящей силы, которой надо было служить, не существовало. Ясность была кристальная, и Пудов был ослеплён ею. Дослужившись до ротного замполита, он встретил войну во всеоружии обыденных тогда убеждений, что кровь будет малая и прольётся она на чужой земле. Но в первые же дни и недели всё пошло каким-то не уместающимся в сознании образом. Раз за разом, слушая сводки новостей с фронта, который стремительно приближался к месту, где стояла его артиллерийская часть, а значит и к нему, Пудов чувствовал предательский плеск сомнения: «а правильно ли я всё тогда рассчитал, семь лет назад, в тридцать четвёртом?» Конечно, о предательстве пока не могло идти речи. Ведь, если ни сам товарищ Сталин, лично, то непосредственное начальство должно, в конце-то концов, озаботиться сбережением жизни такого опытного пропагандиста, каким не без веского основания считал себя замполит. Однако приказа следовать в тыл не поступало. Вот уже и пушки немецкие рядом грохочут, и толпы раненых мимо, но нет приказа по Пудову. «Как же так? Разве не всё я сделал, чтобы быть, если не незаменимым, то нужным? А меня в пекло!?»

От дальнейшего разбега сомнительных мыслей спасала муштра обыденных действий. Вот и сегодня, засветло ещё, направлялся он, прихватив с собой пухлую папку с «наблюдениями» за вверенным ему личным составом, в особый отдел дивизии, километров семь на восток от места расположения батареи. Идти надо было лесными тропами, и всё это, вместе со временем на доклад начальству и обратной дорогой, занимало полный сентябрьский день.

На этот раз подфартило с транспортом. Старенький грузовичок привёз на батарею ящики со снарядами и письма личному составу. В него-то Пудов и уместился рядом с шофёром-ефрейтором, пока бойцы, взволнованные ожиданием полученной почты, быстро справлялись с разгрузкой. Проверять почту Пудов не стал, дабы не упустить подвернувшуюся оказию и не идти в штаб пешком. «Потом проверю,» – подумал он и скомандовал:

– До моего прибытия почту не выдавать.

Бойцы не вслух выматерились, Пудов уехал.

Дорога вела вокруг леса и была несколько длиннее пешей тропы. Через полчаса, как выехали, начался обстрел. Пудов с удивлением обнаружил, что стреляли не только с запада, со стороны фронта, но и, как ему показалось, почему-то впереди, чуть ли не со стороны штаба. «Эх, должно быть» – успокоил он себя и водителя. Ещё через четверть часа впереди на дороге показались танки. Немецкие. Грузовик не успел свернуть в лес. Заметили. Первый снаряд разорвался у левого ската. Машину занесло и опрокинуло на водительскую сторону. Пудов с трудом выкарабкался из кабины, наступая на безжизненное тело ефрейтора. Проверять не стал. «Некогда. Свою жизнь спасать надо». С этими мыслями замполит убежал глубже в лес, вышвыривая из папки-планшета бумаги, затем, подумав, и сам планшет, и срывая трясущимися руками лычки и помидороподобные нашивки с рукавов. Ведь он читал немецкие листовки, ревностно сберегая их содержание от бойцов, которым «великодушный враг» предлагал сдаваться и сдавать большевиков-командиров.

Через полчаса бега, сорвав с себя всё лишнее, Пудов остановился. «А куда это я, собственно говоря, бегу? В холодный неприветливый лес? Осенью? Вот ведь уже и заморозки по ночам. Зверям на съедение, что ли? Не дурак ли?» И бывший замполит медленно повернул обратно. На дорогу. К людям. И к новой для себя силе.

7

Николай третьи сутки, оглушённый, шатался по лесу, не встречая никого живого. Ни души! Птиц он не слышал. Как и далёкого лая собак, прошиваемого изредка (всё реже и реже) железными очередями. Брёл от ствола к стволу, прижимаясь для отдыха к шершавым берёзам. Надрезал штыком кору и сухими губами втягивал в себя сок. Или капли дождя. Голода он не чувствовал. Почему-то. Пока. Только голове становилось всё легче и легче – вот-вот и улетит сквозь кроны к небу! – а ногам – всё тяжелее и тяжелее, как будто кто-то с силой тянул их к центру Земли. По ночам было холодно, и пилотку Ганса Николай давно натянул на себя вместо своей, потерянной, сбитой вихрем какого-то очередного взрыва в том кромешном аду, из которого он теперь шёл. В райской, но пустой тишине! Вдруг он услышал едва различимый стон. «Показалось? Ведь я ничего не слышал до этого стога! Что это?» Стон повторился откуда-то из-за поваленного ствола дерева. Точнее, из-за вставшего стеной наподобие земляной пещеры мощного корневища с вырванным им грунтом, удерживаемым корявыми пальцами павшего деревянного великана. С трудом, словно из последних сил, Николай обогнул кривые корни и увидел лежащего за ними Косачёва. Вернее, то, что осталось от бравого неуёмного Косачёва, боксёра и первоклассного танцора, гуляки, любимца девок, и наших, и эстонских, что он два предвоенных месяца убедительно доказывал, чередуя опоздания из самовольных увольнений с губастой гауптвахтой, когда их с Николаем полк стоял, квартируя, под Нарвой. Теперь бедный Косачёв лежал, облакачиваясь на кривые корни поваленного дерева, без обеих ног, оторванных ниже колен. Но он был жив! С перевязанными с помощью тугих жгутов, свёрнутых из оторванных рукавов гимнастёрки, обрубками ног. Медленно и тихо простонал:

– Николай, ты?

– Косачёв? Андрей! Что с тобой? – чуть ли не впервые назвав друга по имени (тот не любил кажущейся ему излишней «нежности»), Николай, сдёрнув с головы пилотку, невольно выразил этим весь ужас и сочувствие, охватившие его тугим скорбным обручем, словно не давая дышать. Далее тело и сознание Николая шли параллельными непересекающимися тропами, согласовываясь друг с другом словно понарошку, в абстрактной пустоте недосягаемого.

– Сейчас. Сейчас я помогу тебе Андрюша. Погоди немного. Ветки для носилок наломаю, – шептали губы Николая, в то время как мысли предательски путались: «Что делать? Что же делать, Господи! Как помочь? Носилки? Но куда его нести-тащить. В госпиталь? В тыл? Где они? Боже. Спаси и помоги. Помилуй!» Николай вспоминал те слышанные им с детства штампы молитв и заклинаний, которые, не проникая в сознание, способны лишь очеловечить животный вой безысходной тоски и бессилия в кромешном крошеве рассыпающегося на глазах мира и его порядка в нём.

– Брось, Коля. Мне не помочь уже. А что у тебя в руке? Пилотка? Немецкая?

Николай посмотрел будто-то бы на чужую, на свою правую руку и увидел сжатую в ней пилотку Ганса.

– Да... немец в окопе потерял, когда нас землёй от взрыва накрыло. Когда откопался, вижу – пилотка в руке. Так и иду с нею...

– Это хорошо, Коля. Дай мне её. Надень на голову. Зябка...

Даже не удивляясь странной просьбе друга, Николай, вернее его руки, торопливо исполнили хоть что-то осязаемое в этом столбняке обстоятельств.

И тут, откуда-то совсем рядом послышался лай собак и гортанные голоса чужой речи. – «Немцы!» – одновременно пронеслось в двух сознаниях, лежащего на корнях раненого и стоящего перед ним бессильного чем-то помочь друга.

– А теперь уходи. Быстро!

– Нет! Я не оставлю тебя одного. Давай, хватай за плечи, – Николай нагнулся к Андрею, но тот неожиданно зло и резко оттолкнул друга.

– Уходи, Колька. Уходи, гад! Оставь меня с «ними».

Собачий лай приближался и становился чаще, а голоса умолкли. Видимо, животные взяли след. Николай, как вкопанный, не двигался, поражённый словами Косачёва.

– Уходи! Богом твоим тебя прошу. Беги, Колька. Прячься, сберегись за теми берёзами, – кивнул Косачёв за спину Николаю и, пока тот не повернул голову, разжал руку, в которой словно черенок от лопаты показалась граната, одна из тех, которые швыряли впереди себя шедшие во весь рост немецкие парни. «Это простые палки,» – поучал молодняк замполит Пудов, пока «молодняк» логически не связал взрывы в окопах, рвущие рядом лежащих и стоящих друзей, с падениями за бруствер или даже перед ним этих «безобидных», по уверениям Пудова, для устрашения, мол, только «палок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.